

Михаил Буканов

*На заборе
сидит заяц,
ломом
подпоясанный*

ПОЭЗИЯ

Михаил Буканов

**На заборе сидит заяц, ломом
подпоясанный. Поэзия**

«Издательские решения»

Буканов М.

На заборе сидит заяц, ломом подпоясанный. Поэзия /
М. Буканов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-854749-2

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД
ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ
УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. И так,
панове и граждане, дамы и паненки, а также господа из мира мне лично
недоступного, то есть, прозаики и поэты! Тут всё для вас. С Божьей помощью
приступим. И, как говорят мои нынешние сограждане, наслаждайтесь! Книга
содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-854749-2

© Буканов М.
© Издательские решения

Содержание

Разбежались?	7
Светочка	8
Верлиока	9
Шлёп-нога	10
Каравашка	11
Дед Мороз	12
Василий	13
Эра промискуитета	14
Парад в Бресте	15
Не суки!	16
Чита дрита	17
Арабы и евреи	18
Гениальное	19
Крещатик	20
Голубой Дунай!	21
Паук	22
Такая Одесса	23
Я.	24
Ужас чего в голову сдуру лезет!	25
По следам Свифта!	26
Весне навстречу	27
Древесные лягушки	28
Сон	29
Польские гусары	30
Смерть козла	31
Сундуки	32
Парад 7 ноября 1941	33
Воровская зона	34
Поэт	36
В эскадроне	37
Из ненаписанного!	38
Не любят	39
Шансоньет	40
Беженцы	42
А вдруг?	43
Новому мэру Киева	44
ЛСД	45
Кошмар	46
Укр. цукор	47
Курочкина Ряба	48
В суде	50
Поцелуй до обрученья	51
Баллада	52
Результат	53
Соблазны	54
Нематода	56

Ангелы и черти	57
В натуре, загнулюсь!	58
Страшная любовная драма	59
Нет нашей вины	60
Кто говорит «Таскать вам не перетаскать» на похоронах	61
Любовь	63
Прощание славянки	64
А ничего, прорвёмся!	65
Романс	66
Мы, кажись, доигрались!	67
Про рицин	68
Птицы-говоруны	69
Чистые и нечистые	70
Последние дни	71
Бейсик инстинкт	72
Жениться что ли?	73
Идейная	74
Обезьян и верблюдов	75
Две коровы	76
Злодеи	77
Пацаны московские	78
Мила	79
Тифлис	80
Полюбила я вора	81
Обычное	82
Мой милёнок	83
Запевки	84
Встреча со смертью	85
За городом	86
Рашпиль	87
Страшный сон	88
Гусар на отдыхе	90
Парень	91
Конец восьмидесятых	92
Жуткая смерть	93
Украина и Россия	94
Хампти-Дампти и Шалтай-Болтай!	95
Лимонад	96
Любка	97
Блоха и волк	98
Русские горки	100
Конец ознакомительного фрагмента.	101

На заборе сидит заяц, ломом подпоясанный Поэзия

Михаил Буканов

© Михаил Буканов, 2017

ISBN 978-5-4485-4749-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Разбежались?

Ты, милёнок, позвезди,
Сыграй барыню.
Разговоры впереди,
Про сударыню.

Зря меня меняешь ты,
Бабу ладную,
Нагрешил, теперь в кусты,
В тень досадную?

У неё, ты сам гляди,
Ничего то нет.
Ни взади, ни впереди,
Чистый пустоцвет.

Прямь, доска и два соска,
Жуть комолая.
Нет, не девица, тоска,
А если голая?

Ты хотя б на миг прикинь,
Что под платьями.
Да, и много не волынь,
Встречайся с братьями.

Вон, давно уже пришли,
Дожидаются,
Наконец, тебя нашли,
Так дурью маются.

Ты давай уже, решай,
Всё по-честному.
И гляди, не оплошай,
Лежать безвестному!

Светочка

Путь-дорожка длинная,
Надломилась веточка.
Ох, судьба былинная,
Пропадает Светочка.

Сколько лет на «Шарике»,
По экономической.
Мимо все сударики,
Нет судьбы лирической.

Коллективы с дамами,
Склад гадюк воочию.
Всех считают хамами,
Тянут нить рабочую.

Тушь, румяна с лаками,
Туалет прокуреный,
Лучше вурдалаками
Насмерть быть охмуреной.

Сплетни завиваются,
Шелестят змеюками,
Бабоньки же маются,
Всех считая суками.

Жизнь вертела каждой,
Мимо всё, да с песнею,
С бессемейной жаждою,
Всё покрыто плесенью,

Так и провантузилась
В инженерах Светочка,
Жизнь совсем обузилась,
Бабушка, не деточка.

После чая с тортиком,
Всплачут, чай, не кремени.
Где ж ты милый с кортиком,
Из далёка времени?

Верлиока

(Римейк старого мультфильма)

Раз приходит Верлиока
За горохом поутру,
Думал, малая морока,
Соберу, да и сопру.

Только гада просчитался,
Бдели все само собой.
В тренировках всяк мотался,
Ждал врага на смертный бой!

Дед хватает в руки тяпку,
Верлиока, не скучай,
А старуха хватъ за тряпку,
Со ссаниной получай.

Внучка лупит кулаками,
Восклица «Хаджиме!»
Кот и Жучка над боками
Шурудят в рассветной тьме.

Курка Ряба бьёт крылами,
Петя сверху клювом бьёт.
Пар сгустился над телами,
Мышь ликует и поёт.

Огребает не без вздоха
Верлиока по рогам.
Не видать ему гороха,
Накидали по мозгам!
(Апофеоз)
УРА!

Шлёп-нога

Как-то старая Яга
Лесом шла с клюкою.
А навстречу Шлёп-нога
После перепою.

Дядя был по жизни пьян,
А во пьяни – взбешен,
Ну, имел такой изъян.
Кто из нас не грешен?

Стала старая Яга
Мужика резонить,
А окрестная тайга
Вслух о нём трезвонить!

Мол, огрёб и получил
Этот сучий леший,
Ну, за всех кого мочил,
От Яги по плечи!

Страмотила поперёк,
Где-то вдоль, местами,
Так что леший, как хорёк,
Убегал кустами.

Шлёп-нога наш, ё-маё!
Подстерёг задрыгу,
Ногу выдрал из неё,
Сунул к носу фигу.

На, старушка, получи
С пылу, с жару драму.
Меньше ты икру мечи,
И избежешь сраму.

С той поры нога Яги
Костяною стала.
Мир погас. Кругом враги.
Сердце из металла.

Ну, а Шлёп-нога поёт,
Гонит самогонку,
Сам её потом и пьёт,
Да завёл бабёнку!

Каравашка

Роеся в болоте
Птичка Каравашка,
Тяжела в полёте,
Но, очаровашка!

Нежится на сене
Юная Наташка,
Кайф пошёл по вене,
Чуть в крови рубашка!

Русские картины,
Ямы да болота.
Что-то жрём из тины,
Да в улёт охота!

Дед Мороз

Кончен бал, погасли свечи,
Дед Мороз уснул на печи.
Мало ли, что он Мороз?
Сладко спится в мире грёз.

Климат так и не сменился,
Зря народ учёный злился.
И не тает Антарктида,
Хоть немного, пусть для вида!

Стало только холоднее,
Зимы с вьюгами длиннее.
И на Новой, блин, земле
Нет мартышек на скале.

Наши белые медведи
Носорогам не соседи,
В тундре не бредут слоны,
Крокодилы не видны!

Усмехнулся дед во сне,
Дверь давно открыл Весне.
Нонче все не без греха.
Скрасит ночи старика!

Василий

Нет покоя для Василия,
Всё-то в жизни не удалось.
В эру силы и насилия,
Веры в правду не осталось.

Вася был знаток теории,
Не общался вовсе с хамами,
Знал учёные истории,
И не путал скетчи с драмами.

Идеал он встретил вечером,
Встреча вышла, в целом, личная,
И любовь забила глетчером,
Ох, девчоночка столичная.

Деву завалив букетами,
С ней, мечтавшей о замужестве,
Пил Васяня чай с конфетами,
В тесном пламенном содружестве.

Мать конца не дожидалась,
Деве враз отлуп устроила.
Мол, в жилплощади нуждалась,
Только зря побеспокоила!

Разбежался Вася с девочкой,
Мать дороже чувства нежного.
Песня кончилась запевочкой,
Чувство – глыбой кома снежного!

Эра промискуитета

На Земле ликует
Промискуитет.
Мужичок быкует,
А отказу нет.

Девки, бабы общи,
Только доберись.
И никто не ропшет,
Пользуйся, не злись!

Хоть одну всем стадом,
Или всех один.
Нет морали рядом,
Случай господин.

Нет пока законов,
Где-то там суды,
Никаких препонов
Для любой елды.

Дух свободы истый,
Прямо сексофест!
Люди, это ж чистый
Маркса Манифест.

Парад в Бресте

Когда войска идут парадом,
Знамёна реют, бьёт салют,
То позади окопы Адом,
Где пули в лоб людей клюют!

И хорошо, если десятый,
В бою останется живой.
Солдат, ни в чём не виноватый,
И, всё ж, с склонённой головой.

Судьба дала ему награду,
Других хоронит батальон.
Но, водка не несёт отраду,
Смерть рассылает почтальон.

Летят по миру «похоронки»,
За ними слёзы и тоска,
И песни девичьи не звонки,
Нет детям хлеба ни куска.

Горят дома. В огне заводы.
Идёт последнее фронтам.
Минуты мира – эпизоды,
Отмщенье мне, и аз воздам!

Но, было, марши льются в Бресте,
Двух армий здесь идёт парад
С советскими бойцами вместе
И гренадёрский шёл отряд.

Война ещё не наступила,
Навеки дружба, нет вражды.
А впереди лежит могила,
Призывы к миру ей чужды.

Парад – страны российской память.
Поверьте, я им только рад!
Но, через временную замять,
Я помню давний тот парад.

Не суки!

Быстро ноги в руки,
Стрёмно когти рвём.
Мы ж с тобой не «суки»,
Воевать нейдём.

Чисто по-понятым,
Вору не служить,
Уркаганам-братьям
Не в казарме жить.

Вор не носит формы,
Это западло.
Воровские нормы,
Не коров седло.

Государство с вором
На земле враги.
Сыщики – дозором,
Жулики – беги!

Нам до фени кто ты
Немец, иль француз.
Нет у нас охоты
Погибать от уз!

Я прикинусь шлангом,
Вору все враги,
Хоть и немец с рангом,
Хоть большевики.

В общем не случилось,
Немцы отловили,
Так и получилось,
Что сперва побили,
А затем повязку
Дали полицаю.
Стал я с ними в связку,
Жизнь не отрицаю.

Чита дрита

Птички, птички, невелички!
Вроде ласково поёте,
А одну из них, сестрички,
Заклевали вы в полёте.

Все вы чёрные по пузу,
Сера спинка, синий глаз.
Но в одной сестре обузу
Разглядели вы на раз!

Стала белой ворона,
Рядом был хлебозавод.
Плоха ВОХРы оборона,
Там муку и птица прёт.

Вот где птичка по ошибке
Изменила перьев цвет,
И в полёте стая в сшибке
Передала ей привет.

Налетели, заклевали,
Белым жизни в стае нет.
На земле и добивали,
Чите дрите мой привет!

Арабы и евреи

В парка сумрачных аллеях
Много в жаркий день евреев.
Правда, много и арабов,
В чайханах и прочих пабах.

Оба эти элемента
В силу зла эксперимента,
На одной земле росли,
Поднялись и расцвели.

Вот один сказал «Шолом»,
А арабу, как колом.
«Бисмилла» кричит другой,
А еврей ни в зуб ногой!

Вроде братья и семиты,
Приодеты, дети сыты.
Семьи есть и есть работа,
Вслед за пятницей, суббота!

Сколько тысяч лет прошло
Как в семье свершилось зло?
Сара зря тогда Агарь
Прогоняла в ночи хмарь.

Жили б мирно две жены,
Не сражались бы сыны,
Тувал – Каин с Измаилом
Пили б ханку под кизилом.
Шли б с религией одной,
Жизнь не стала бы смурной.
А араб б бы и еврей
Стали лучше и добрей!

Гениальное

Как-то рифмы враз тю-тю,
С песней мимо кассы,
Ну, а я себе бухтю
Стих толкаю в массы.

Ничего, что мыслей нет,
Я же не философ,
Но, всегда даю совет,
Это – без вопросов!

Вот попробуй, зарифмуй
Паклю и селёдку,
Разорвись, но обоснуй,
Двух предметов сходку.

Тута навыки нужны,
Рифмоплёта руки.
Ничего, что всем странны
Творчества кундштюки.

А потом орлися в высь,
Там где пащут мэтры.
От живущих отделись,
Юзай гекзаметры.

Мало кто из нас вот так
Сцепится с Гомером.
Быть, в натуре, не пустяк
Слова инженером.

Я легко им быть могу,
Творчество – не мука!
Хвать Пегаса на бегу,
Поработай, сука!

Небеса из полотна.
Холодно и сыро.
В небе сделана Луна
Из головки сыра!

Обостренья доктор ждёт
Свалит, как из пушки,
Тихо, санитар идёт,
Урки, под подушки!

Крещатик

Баррикады на Крещатике
Под луной застыли в статике.
Мифология сознания
Без живого опознания.

Нет студентиков с романтикой,
Западенцев с их семантикой,
Есть бомжатники с бомжарами,
С грязью, вонью, тары-барами!

Не нужны стране убогие,
Проститутки колченогие,
В камуфляже грязном сотники,
Словом, все вы не работники.

Как о тряпку ноги вытерли,
И из жизни прошлой выперли.
Скоро здесь пройдут со щётками,
Ну, а вам бежать со шмотками.

Вы – прореха человечества,
И не гордость для Отечества.
Дураков всегда сливают,
Если их не убивают!

Голубой Дунай!

(был такой шалман у «Шарика»!)

Легко вздымаются стаканы,
Рядами кружки с шапкой пены.
Здесь облегчаются карманы,
Рабочих, что идут со смены.

Шалман, а рядом проходная,
Ты от станка и к расслабону.
Предверье дружеского Рая,
Потом домой, а время к соню.

Напрасно ждёт жена получку,
Шалман, их старый однокашник,
Позолотил сегодня ручку,
А остальное шась в заглашник.

Тебе бы, баба, быть мудрее,
Ловить как все, на проходной!
Пока, в предчувствии добра,
Муж не добрался до пивной!

Паук

Что за дела? – спросила муха,
Какие могут быть микробы?
Я что-то слышала в пол уха,
Пока исследовала сдобы.

Варенье ваше, из кизила,
Чрезмерно сладко, липнут ноги.
Я в нём все лапы извозила,
Пирог на «пять», компот убогий.

Паук сидел себе и слушал,
А муха комару внушала,
Что зря халву тот недокушал,
Жеманник и воображала.

Комар и муха на веранде,
Где только что семья отъела.
В каком-то мелком реприманде
Комар затрахан до предела.

А пауку тот стол до-фени,
Достал несчастных насекомых,
Поел, затем в предсонной лени
Всплакнул, о жертвах незнакомых!

Такая Одесса

Биндюжник – ясно что в Одессе,
Как Ланжерон или Привоз.
Как сын несчастной тёти Песи,
Иль, в драку лезущий матрос!

Дюк Ришелье на постаменте,
Весной Фонтана благодать,
Утёсов, вышедший из песни,
И урки, что б лохов кидать.

Шаланды, полные кефали,
Семь сорок, скрипка, вечный смех.
И запах гари и печали,
Как горе, что легло на всех!

Весною кончилась Одесса,
Прошла судьбы водораздел.
Согласна жить под тягой пресса,
И наплевав на беспредел!

Да, одолели вас раздоры,
Легко скрутили вас селяне.
Пришли насильники и воры,
А вы им кукиш, но в кармане!

Не ждите, не придёт Котовский,
У Красной армии проблемы.
И бдите, вечен Паниковский,
Он вас продаст без всякой схемы!

Я.

Вот бегу себе с горы,
И почти взлетаю,
Я же просто царь горы,
Думаю и таю!

Если б в горку я бежал,
Только б пот по телу,
От напряжения весь дрожал
По такому делу.

Вдруг под ногу камень мне,
Миг, и я в полёте.
Ров с крапивой, мир в огне,
Зря девчонки ждёте.

Если б в гору и упал,
Только отряхнулся.
А теперь весь пыл пропал,
Во как наебнулся!

Ужас чего в голову сдуру лезет!

Карусель летит по кругу,
Крик народа с перепугу,
Ничего себе подарки,
После двух стаканов «старки».

Просто жуткая картина,
Я ж поэт, а не скотина,
Всё извергну, дуба дам,
В животе стучит там-там.

Выпить водки модным стало,
Под яишенку и сало,
И проверить на разрыв
Примитивный секспорыв!

Но, какой же идиот
К карусели после прёт?
Слава Богу, кони встали,
Я в кусты, долой детали!

По следам Свифта!

У гуингмов всплеск работы,
От субботы до субботы
Бьют копытами йеху,
Помираючи со смеху!

А йеху стаей всей
Так и рвут от палачей!

Гулливер на раз влюбился,
В лилипутку углубился,
И исчез, пропал, хана,
Нет у лилипуток дна.

Внешность – в сущности обман,
Свифт, пиши другой роман!

Здоровенный обезьян
Был, по-жизни, вечно пьян.
И одна имелась мера
Для него и Гулливера.

Обезьяну что? Уснул!
Гулливер же утонул!

Вон сюжетных сколько линий,
Дрожь по коже, просто иней.
Масса сущностей, идей,
Не роман, а суп-кондей!

Весне навстречу

Идёт весна навстречу
Как воин по татами,
Я ей дорогу мечу
Собачьими следами.

Дрожит моя бульдожка,
Весна, а шкурка тонка.
Промокшая дорожка,
Капель колотит звонко.

У Бульки дела много,
Гораздо выше крыши,
Следов рисунок строго
Она носишком слышит.

Вот здесь прошла гуляя
Соседка с пуделями,
Афганская борзая
Бодалась с тополями.

Овчарки и болонки,
Ротвеллер с водолазом,
Следы остры и звонки,
Невидимые глазом.

Весна – конец покою,
На щепку щепки с хода.
По солнечному крою
Щенков творит природа!

Древесные лягушки

Вы слышали как поют лягушки,
Нет, совсем не те, что на болоте,
Напружинив головы и тушки
В беззаветной певческой работе?

Среди веток, листьев и заката
Полностью сливаясь с интерьером,
Эти музыкальные ребята
Всем хорам могли бы стать примером.

Нет, что б вечерочком перерваться,
Поискать чего-нибудь по вкусу.
Намертво держась, что б не сорваться,
Поддалися певчества искусу!

И поют, окрестность оглашая
Истинно своими голосами.
Видом проходимцев устрашая,
Кто «фанерит», а поют не сами!

Сон

А я «небо, цвета крем,»
Аж, столовой ложкой ем!
Разошёлся поутру,
И к обеду всё сожру!

Распрекрасные дела,
Окоём как ширь стола,
В целом, надо поспешать,
Люди могут набежать!

Жрать моё на шермака
Массой станут, а пока
Мне раздолье в сна тиши,
Машка! Пятку почечи!

Польские гусары

Чёрные мундиры
На траве,
С саблей командиры
Во главе.

Был приказ к атаке
И «На пшут»!
Всех почти во мраке
Ангелы несут!

Не считает жизни
Пулемёт,
За любовь к Отчизне
В Рай намёт.

Маки Монферино
И луга Полесья
Не затянет тина,
И заплачет песня!

Смерть козла

Какие могут быть дела
У трясогузки и козла?
Вопрос ребром,
Ответа нет,
Коза колом,
И гаснет свет.
Так вот, теперь,
Как результат,
Вот морга дверь,
И в жизни мат.
Распалась дружная семья,
Коза в тюрьме, и нет козла.
Открытость полная была,
Ведь флирт у птички не со зла.
Природа вертит здесь хвостом,
А все инстинкты – на потом!

Сундуки

Как у нашего Нафани
Был со сказками сундук.
А во граде Епифани
На дубу огромном сук.

На суку висел, качался
С колдовским яйцом сундук,
И Кашей сюда примчался
Нудный, словно ультразвук.

Колданул он, было мненье,
Проявляя ловкость рук.
Поменял места храненья
Без каких-то там докук.

И теперь Нафаня прячет
Смерть Кашееву в яйце,
Детвора без сказок плачет,
Сказки в сундуке в ларце!

Что в далёкой Епифани
На цепях и на суку,
Плачьте Тани, Мани, Вани.
Нечем вам прогнать тоску!

Парад 7 ноября 1941

«Ах, зачем, ах, зачем?», —
Голосили трубы.
Среди всех прочих тем,
Примерзали губы.

Был парад и на фронт,
Всяко недалёко.
Вон гремит горизонт,
Ясно видит око!

Шли России сыны
Прямо в бой с парада.
Площадь – сердце страны,
Сам парад – награда!

В Подмосковье снега,
Города сгорели,
Но, разбили врага,
В зимние метели.

И пошли на Закат,
Батальоны, роты.
Шли в атаки под мат,
В рост на пулемёты.

Много лет кровь рекой,
Беды и невзгоды.
Многим смертный покой,
Бой не дни, а годы.

Тот парад не забыть
До скончания века!
И тоску не избыть,
Слёзы из-под века!

Воровская зона

Мелкие солёные
Льдинки режут бритвами,
Здесь – приговорённые,
С матом, не с молитвами!.

Сопки, ширь озёрная,
За лесами, горами,
Зона не просторная,
С лагерными ворами.

Чисто отрицаловка,
Толки по-понятиям,
Вольная Нахаловка,
Но в стальных объятиях.

В вечера хреновые,
Шли этапы дальные,
В зону урки новые
И, притом, кандалные.

Борзота известная,
И к побегам склонная.
Пред ворами честная,
В жизни непоклонная!

Лишь одно без ясности,
В гимнастёрках новые.
Тут Закон в опасности,
И дела хреновые.

Кто на службе – ссучился,
И блатным нет продыха,
Режь, что бы не мучился,
Мы не в доме отдыха!

Понеслося кочками,
Только не предвидели,
Новые с заточками,
Так что зря обидели.

По стране великой
«Сучья» шла война.
В битве многоликой
Правда не видна.

В выгоде с парносом
Только МВД,
Хрен прикинут с носом,
Чисто, и т. д.

Поэт

Давно в прошедшем время оно,
Ушло в небытие и годы,
Когда без шума и трезвона
Поэты задавали моды!

Поэт в России, ну, конечно,
Не просто выше всяких прочих,
Его творенья служат вечно,
И вдохновляют нас, убогих!

Ура, вперёд, на баррикады,
Сыны Отечества, порядно,
Все умирать в сраженьях рады,
И се, для Родины, отградно!

Иль, бурный парус напрягая,
Среди разверзнутой пучины,
Свободы для себя алкая,
Утопнем смело, как мужчины!

А то бежать, задрав штаны,
В приплясе, под гармошку, рьяно!
Звенеть в надрыве бас-струны,
Героем бурного романа!

Но, вот настали времена,
Всё изменилось в одночасье.
Поэтам ноне грош цена,
Пучок – пятак, не лупят – счастье!

Вы, где, российские витии,
Народа совесть, клич народа?
«Жан Жак» внутри перипетии,
На вас «при отдыхе» природа!

И где ты, русский литератор,
Блеснувший свежестью идей?
Есть только записной оратор
Весь либеральный, до мудей!

Я вижу, тяга есть в народе
К стихам, так пробуждайтесь смело!
Пусть время явно к непогоде,
Но ведь страна покуда цела!

В эскадроне

Мы с тобою, милый мой,
Вместе эскадронили,
А сегодня ты домой,
Счастье проворонили!

На далёкой стороне
Жёнка ждёт и деточки,
Ты ускачешь на коне,
Тут оставив меточки.

Мой любимый капитан,
Мир в войне с Германией.
Только где мой тонкий стан,
С узенькою талией?

Ничего я не скажу,
Пусть горько прощание.
И ему не покажу,
Фронта завещание.

Я бок о бок с ним в бою,
Шашкою повенчана,
Вместе шла в одном строю,
Как солдат и женщина.

Счастье было в дни войны,
Горе ныне грянуло.
Я засну и вижу сны,
О любви, что канула.

Из ненаписанного!

Раззудись-ка ты плечо,
Размахнитесь руки,
Пот струится горячо,
Творческие муки!

Буду куры строить я,
Бить к подругам клинья.
Петь, навроде, соловья,
Из страны «Былинья!»

И, возможно, огребу
По башке мешалкою.
Ох, свербит в моём зобу,
Чую, долю жалкую!

Мы, поэты, люди сна,
Ясности, неясности!
Явность перенесена
В сон из-за опасности!

Не любят

Не любят на свете Ивана,
Поскольку отбился от рук,
С колен поднимается рьяно,
И прочен на лесть и испуг!

Коль выхода нет, так торгуют,
В валюте имея доход
Но очень легко обоснуют,
На Ваньку крестовый поход.

Сидел бы себе утирался,
Ну, может, гундосил чего.
А он, понимаете, дрался,
Во имя святого всего!

Святые с Востоком неместны,
Лишь Папа в грехах не погряз,
Европы намеренья честны,
Нам русский Иван не указ.

Бессмысленны все заклинанья,
Уж если Ивана несёт,
Оставьте любые старанья,
Вас больше ничто не спасёт.

Шансоньет

Есть дороги шелопутные,
И шоссе анизотропные,
В никуда ведут беспутные,
А следы там больше гопные.

Пацана голубоглазого,
Ангелочка, как с картиночки,
Или чёртика чумазого,
Ловят урки в паутиночки.

Мир шансона – мир окалины,
Плач гитары, удаль водочки.
Журавли, в тайге проталины,
Лагеря, несчастья ходочки!

Муза плачет, ветер северный,
О братве печаль глубокая,
Новых урок путь конвеерный,
Дом и зона недалёкая.

И поют певцы российские,
Под шампанское с селёдочкой,
Про глухие тракты бийские,
Да мандраж, закрытый водочкой!

Приблатнённые, всё с жестами,
У певичек пальцы веером,
Вот бы их проверить тестами,
Строгим лагерным конвеером.

Той дорогой Мендельштамовой,
Власти с Бабелем расправую.
Да горбушкой пайки тамовой,
И нарядчика управую.

Ох, и губоньки у Любоньки,
И чего-то ниже талии,
Посчитали бы ей зубоньки,
В мире воровской реалии.

Да с такими вот губищами,
Ей в бараке место ясное.
Ведь желающих там тыщами,
Благо, дело не опасное!

Шафутинский с Макаревичем,
И другие скальды с бардами,
Вовсе не Иван-царевичем,
А босоты авангардами.

На хрена нам те романтики,
«Деловых» на щит поднявшие?
Нет конфеты в этом фантике,
Только судьбы, в жизни павшие!

Беженцы

Ни одной не острой кромки,
Я сухарики сушу.
Рвём Агасфера потомки,
Тормозните, коль брешу!

Тихий мирный городишка,
Весь в цветах, народ простой.
Не от крепкого умишка
Смерть здесь стала на постой.

Артиллерия долбила,
Самолёты нас бомбят.
Прёт ебительская сила,
Ну, не ведая преград!

Не расскажешь ты без мата,
Отчего и почему
Бьёт солдат из автомата
По народу своему!

Почему грохочут танки,
Мостовые нам коля,
А на кладбище останки
Принимает мать-земля?

Так что завтра мы в дороге,
Всё равно Херсон иль Крым.
Унеси Господь тревоги,
Даст коль Боже, добежим!

Что ж, Агасфера мы хуже?
Тот идёт несчётно лет!
Вот поплачу я по мужу,
И в дорожный белый свет!

А вдруг?

Как-то в жизни повелось,
Что зверюшек любят сильно.
С кошкой сердце ли срослось,
Собачонка ли умильна.

И слоны и обезьяны,
Даже кобры и удавы,
Облегчают нам карманы,
Как ловушки и подставы.

Может это просто мода,
Деньги есть, чего нам боле?
Пусть у нас живёт природа,
Ну, не всё же ей на воле!

Люди! На реке Замбези
Закопавшись в сизом иле,
Мысли вот в таком разрезе
Проплывают в крокодиле!

Что неплохо б в перформансе
Воссоздать людей жилища,
Хватить людям жить в пространстве,
Ведь они не только пища!

Пусть питомцами послужат,
Крокодильчикам утехой,
Накорми, так не затужат,
И не будут нам помехой!

Осторожнее с рекою,
Крокодилы очень хитры.
Перед Клязьмой и Окою
Втихаря ведут ловитвы.

Ловят, граждане, сетями,
А потом сплавляют в море.
И с победными вестями
Волокут в полона горе.

Попадёте вы в Замбези,
Нет оттуда всем возврата.
Надо бы в ООН СовБезе
Поднимать вопрос, ребята!

Новому мэру Киева

Как-то, вставши спозаран,
Призадумался баран.
Да, действительно, имею
Я, по-жизни, крепкий лоб,
Не овца, реву, не блею,
И физически здоров!

Правда, есть один изъян,
В интеллекте я не рьян.
Вот на новые ворота
В изумлении гляжу.
Лбом попробовать охота
Им-то я не дорожу!

Но, срамиться среди народа
У политиков – не мода!
Что с того, что я баран,
И мозги отбиты?
Претворю в реальность план,
Сделаю кульбиты!

Ни к чему долбиться лбом,
Надо бить мозгами,
Слыть по обществу столпом,
Колыхать рогами.
Так и стану головой
Нашенского стада.
Я ж секс-символ половой,
Мужиков отрада!

А когда я изберусь,
То держись ворота.
Украина вам не Русь,
Ждите апперкота!

ЛСД

Хороши галлюцинации
После первой апробации.
ЛСД в грибках ядрёное,
Растроенье потаённое.

Люди внутренней миграции
Пребывают в профанации,
Ради собственной люстрации
Загибаются в прострации.

Прямо с места в Космос тянутся,
В направленьи не обманутся,
Ад и Рай видны воочию,
Жизнь подобна многоточию!

Что там дальше, кто же ведаёт?
Тот танцует, кто обедает.
А судьба – она жеманница,
Жизнь крадёт, что та карманница!

Кошмар

За далёким тёмным лесом
Я ловил прогресс со стрессом,
Удочкой.
Видел с острым интересом,
Как резвились леший с бесом.
С дудочкой.

Там, на маленькой опушке
Гном варил чего-то в кружке.
Может чай.
Громко квакали лягушки,
Спать хотелось как из пушки.
Ай, я, яй!

А потом луна упала
Прямо мне на одеяло,
Как уют.
Мне мгновенно страшно стало,
Боль как острие кинжала,
Свет потух!

Разгорался, пламенея,
Потихоньку зеленея,
Третий глаз.
Тени во вселенской гамме,
Били мне в него ногами,
Может сглаз?

Не, проснуться надо срочно,
Я с ума сплываю точно,
Поутру!
Пиво, спирт, портвейн и водка,
Плюс – в постели обработка.
Ох, умру!

Укр. цукор

(украинский сахар на службе шоколадного человечка)

Мы – босота смиренная,
Теребень сортирная.
Нам статейку написать,
Как два пальца обоссать.

И рецепты всё простые,
Надо краски взять густые,
Навалить туда навоза,
И орать, идёт угроза!

Мажь широкими мазками,
Про добро, что с кулаками,
Про бойцов-сичевиков,
И российских бандюков.

Расскажи страны народу,
Кто мутит в Украине воду,
Ну, а если нет воды,
Путин выпил, без елды!

Кстати, совесть – рудимент,
В целом, пройденный момент.
Правда тоже не для нас,
Кто её услышит глас?

Главное, полить сиропом,
Что б понравиться Европам.
Что бы президент Обама
Верил преданности Хама!

Нам завидует весь мир,
Бандерлогов мы кумир.
Испаряется усталость,
Если денег срубишь малость!

Всё срослося, жизнь сладка,
Сало – в шоколаде,
Только жду посыл курка
В камуфляже дяди!

Курочкина Ряба

Я – Курочкина Ряба,
По-паспорту, я – баба,
По роду жизни клуша,
Есть муж, зовут Андрюша.

Обычная работа,
Домашняя забота,
Базар, домой трамваем,
Нигде и не бываем.

Нет орденов, медалей,
В платьишке, скрип сандалий.
Домишко наш от мамы,
Соседи есть, не хамы.

Спокойно жизнь рекою
Тащила нас к покою,
Последнему причалу,
Рутинному мочалу.

Но, тут случилась взбличка,
Я вдруг снесла яичко,
К тому же не простое,
А очень золотое.

Такой высокой пробы-
В дыханьи спёрлись зобы!
Весь мир пришёл в смятенье
В порыве очертенья.

И кончилась свобода.
Для своего народа
Я стала важной птицей,
Желанной и в столице.

За мной открыл охоту,
Весь криминал повсюду.
Шлёт мафия пехоту,
Израиль – Чуду—Юду.

Триады настигают,
Каморра на пороге,
Якудзы набегают,
Сверкают в беге ноги.

Но, только я не дамся,
Всё – для страны и точка.
Андрюшеньке отдамся,
Пускай родится дочка.

А там, глядишь, и внучка,
Мы – без дурных привычек.
Десяток, а не штучка,
В день золотых яичек!

Нет, нам не быть святыми,
Андрюха яйца носит?
Пусть станут золотыми,
Народ валюты просит!

Наймём мышей поболе,
Что б яйца колотили.
И заживём на воле,
В могуществе и силе.

В суде

А на чёрной скамье, на скамье подсудимых
Кот Матроскин сидел и о чём-то вздыхал.
Сколько их вот таких, в жизни очень ранимых,
За кусок колбасы строгий суд припахал?

Мама Кошка, прости, лью горячие слёзы,
Я сижу ни за что, и ликуют враги.
Доберманов тычки, конвоиров угрозы,
Бутербродов здесь нет, но скрипят сапоги.

Значит скоро этап, жизнь по вечному кругу,
Пересылок огни, да чифира навар.
Жалко Мурку мою, в жизни вольной подругу,
Да гитары надрыв, среди водки и шмар!

Мама, мама моя, знаю в старом платочке
Побежишь за вагоном, несущимся вдаль.
Верь, что здесь не конец, нет поставленной точки,
Я обратно вернусь, и, ваще, «нох айн маль!»

Поцелуй до обрученья

Сколько бы верёвочке по земле ни виться,
Всё равно рекомое завсегда случится.
Девочки-красавицы, строгие и гордые,
И на вас находятся мальчики упёртые.

Мефистофель старенький жил не по учебникам,
Мол, до свадьбы ты ни-ни, жизнь сверяй по требникам.
Много его слушали Фауст с Маргаритою?
И плевать, что кончен бал, стала жизнь разбитою.

Может, по Есенину, целить в жизнь без промаха?
Ведь оно действительно, «отцветёт черёмуха!»
Или всё ж себя хранить в строгом воздержании,
Что б до свадьбы отложить мужика касание?

Я вам честненько скажу, всё тут в воле случая.
Как навалится любовь, девку жизнью мучая,
То по жизни и решай, дать ли волю пламени,
Иль на свадьбе показать простынь вместо знамени!

Баллада

Старый рыцарь седой пел балладу печали,
Спали слуги и кот, шёл двенадцатый час.
Только где-то вдали псы на воле рычали,
А камин прогорел и внезапно погас.

Колыхались во тьме, всё темнели портьеры,
По углам улеглась синеглазая мгла.
Не поднимутся в сёдла его кондотьеры,
И в поход не уйдут на лихие дела.

Да и дев больше нет, что любили и жили,
С ним делили постель, а порой сеновал,
Спят в могилах все те, с кем, по-жизни, дружили,
Только он смертный час, избежав, миновал.

Старый рыцарь поёт про балы и походы,
Рубку в битвах, засады, нелепую смерть.
Пусть немного смешны нам баллады и оды,
Он покой заслужил, битв пройдя круговерть.

Результат

Девки с парнями играли,
То ли в салки, толь в лапту,
Как положено орали,
Претворяя в жизнь мечту

Нет отличий между нами,
Царствуй равенство полов,
Вона, быстры мы ногами,
Впереди, не надо слов!

Среди них была толстушка,
Не сказать, что жуть резва,
Прямо скажем, не резвушка,
Как сообщила нам молва

Убегая с молодцами
Как и надо, обок бок,
На кадушку с огурцами
Провалилась в погребок.

Огурец попал, и в точку,
Стала бабой, впавши в транс.
Всех и дел, ногой о кочку,
В результате – дефлоранс.

Этот случай на скрижали
Надо б точно занести.
Утоли мои печали,
Мужу правду возвести.

Что, по-жизни, у супруги
Первым – гнусный корнишон.
Вот, мерзавец, руки в брюки,
И, ваще, ами кошон!

Соблазны

Мужики, ну как же так?
Бросьте вы курить табак.
Это ж просто ай, я, яй,
Ну, короче, наливай!

То ли дело – самогон,
Он хорош со всех сторон.
Дёшев, крепок, под рукой,
На душе – сплошной покой!

От него – нисколько зла,
Выпил, выдох, все дела,
Мудрецы осознают,
Как сто грамм куют уют.

Двести грамм под закусон,
При согласии сторон,
И в постели мир царит,
Вас жена боготворит.

А поллитру на двоих
Отвергает только псих.
Под селёдочку с лучком,
Да рокфор, что с червячком,

Под ошеек с огурцом,
Небеса вползают в дом,
Ангелочка босы ножки
По душе, как по дорожке!

После можно закурить,
Мира радости продлить.
Кайф палит как из рогатки,
Все грехи близки и сладки!

В дело рвёт грехов венец,
Вольно восстаёт конец.
Но, наутро, не курить,
С силой воли надо жить!

Или всё же бросить пить,
Перестать совсем курить,
Женских не решать проблем,
Избегать проблемных тем?
А потом, в такую мать,

Жизнь за Родину отдать?

Нематода

Нематода! Как живёшь?
Сколько в день картошки жрёшь?
Признаёшь ли ты границы,
Иль, шныряешь словно птицы?

Весь картофель кормовой
Тебе выдан с головой.
Но, тебе, заразе, мало.
Может, перейдёшь на сало,
На петрушку и буряк,
И на курочек пестряк?

Мы, в пределах Украины,
Соберём тебя в корзины,
Да отправим за кордон,
Шля кацапам страшный сон.

Там шикуй, не зная меры,
Дружбы подавай примеры,
Наше пусть берут себе,
Нам не жалко, цоб цобе!

Ох, погани москали,
Глянь, чого они взробли!
Не берут тебя и даром.
Наш картопель не товаром,
А отравой нарекли,
Вот же гадски москали!

Ангелы и черти

Разговор шёл ни о чём,
Словно морды с кирпичом.
Черти приняли на грудь,
Мол, решили отдохнуть.

Только рядом, в закуточке,
Ханку жрали ангелочки.
Слово за слово, и вот,
Разделил их чёрный кот.

Грязь припомнили другу другу,
Места не было испугу.
И копыта, и рога.
Всё, для лютого врага.

А у ангелов крыло
Было остро как стекло,
Не парадные ребята,
И чертей не любят свято!

Ну, короче, понеслось,
Дрались рьяно, чем пришлось.
Так вломили дружка другу,
Этна вздыбылась с испугу.

Геркуланум и Помпея
В пепле с лавой огневея,
Стали жертвой и Пьетой,
Бессердечной битвы той!

В природе, загуглюсь!

Хоть обуглюсь,
Но, загуглюсь,
И добуду результат.
Через интернет, потея,
Вскрою замыслы злодея,
Так похожие на мат.

Я в науках – пень в колоду,
Не уверен в дважды два.
На экран смотрю, как в воду,
Все науки – трень-трава,

Мне решить сомненья надо,
Местный мелкий фраерок
Дал мне кличку «колорада»,
Это как же, а, браток?

Я в серьёзном подозренье,
Точно, хочет опустить!
Буду в гуглевом прозренье
Бошку сявке не сносить!

Пожалеет, что метёлку
В окорот не привязал.
Тяжело в науках волку,
Но, добыюсь! Я так сказал!

Страшная любовная драма

Свершилось, ох свершилось,
Любовь отшебуршилась,
Сегодня, с первой ночью,
Я утонул воочью!

Какая ты, какая!
Глубокая, без края,
Мне в бездне лишь теряться,
Чему тут удивляться?

Ведь я люблю, страдаю,
Всё о тебе мечтаю,
Вот сбылось, состоялось,
Но жить мешает малость.

И ростом-то я выше,
Не сдрейфлю, спрыгну с крыши,
В бою кулачном практик,
Но всё подпортил фактик.

Природа не сулила
Что мы сольёмся мило.
Пусть был бы я карлушей,
Но, с длинною толкушей.

Нет, просто в жизни этой
Живи с одной приметой,
Спеши любовь проверить,
Мы ж всё привыкли мерить!

Размер – он рознь размеру,
Любовь – не знает меру,
Мы ж, разные от Бога,
А может есть дорога?

(Есть. Головой работать надо!)

Нет нашей вины

Почему-то не родится
От осины апельсину,
Где рождается, там сгодится —
Как сто грамм под лососину.

Я не знаю, чё там гены,
Только вряд ли и по воле,
У Хазанова, у Гены
Сын мантулить будет в поле.

Но, бывают в мире шутки,
Горбачёв тому примером.
С бесов шутовской раскрутки,
Стал, мужик, миллионером.

Клинтон, тот работал чище,
Сам, в Овальном кабинете,
Как герой Лука Мудищев,
Блудодействовал при свете.

И, представьте, всё по страсти.
Если дома кашалота,
Тут не избежать напасти,
Вот куда влекёт зилота!

Значит, есть отметка в кодах,
Не беда, коль ждут промашки.
Всё заложено при родах,
Жизнь играет нами в шашки.

Кто говорит «Таскать вам не перетаскать» на похоронах

А на КВНе милая Одесса
Четко воду мутит,
Избегая стресса.

Шутит про евреев,
Мол, теперь равнины
Завистью исходят,
С бриса Украины!

Радостные лица,
Шутки моромоев,
Коломойский злится
Если гнобят гоев?

Город бывший вольным
Даже при румынах.
Стал придурком гольным,
При делах ослиных.

Где Луганск с Донбасом,
Мелитополь в горе,
Там одесским мансам
Вольно на просторе.

Веселятся, пляшут,
А в Славянске бомбы.
Ребятишек в кашу
В ходе гекатомбы!

Сгнил в гробу Петлюра-
Флаг в российском зале.
Ожила фигура
В укро карнавале.

Правда, есть нюансы
Буду очень точен.
Я кладу на мансы,
Пусть не правомочен.

Шлю «Кус мерин тохес».
Что же оно значит?
Там у них есть Брохес,
Пусть перетолмачит.

Любовь

С тобою нас не разлучить,
Хоть продолжаю кровь сочить.
Я не веду с тобой игру,
Запомни, ежели помру,
Горячим хлебом прорасту,
Таким, что пахнет за версту,
И всю любовь тебе верну,
Отдав себя всего зерну!

Прощание славянки

Уезжали на фронт эшелонами,
Позвала на защиту страна.
Шли парадно, лихими колоннами,
Или скрытно, иначе хана!

В поход шёл взвод,
Защищать родной завод.
Путиловцам,
Как их отцам,
Пришлось в войну
Оборонять свою страну!

А жена провожала рабочего
Постаравшись не плакать навзрыд.
От порога, от дома их отчего,
К той землянке, где будет зарыт.

Пусть нет войны,
Остались сны.
Живут сыны,
Стране отеческой верны.

Придёт беда, и как тогда,
Под звуки труб – касанье губ,
И на Закат! Иль на Восход!
Уходит взвод
В последний свой лихой поход!

А ничего, прорвёмся!

На земном на шарике
Всё перемешалось,
От уклада прошлого
Мало что осталось.

Войны называются
К миру принуждением,
Нормы забываются,
Брак под осуждением.

Пидорки с лесбушками
Ныне тренды модные.
Танковыми чушками
Лупят СМИ свободные.

Слово либеральное-
Ныне зло парашное,
Властвует Ональное,
Грязное и страшное.

Видик Ерофеева
С волосами дыбою,
Вроде взлёта змеева
Над отходов глыбою.

Только в утешение,
Как во время оново,
Вроде нам в прозрение
Слово Соломоново!

В скатерть время стелется,
Ничего-то нового.
Так что перемелется,
Без совсем хренового.

Романс

Скажи зачем, гулял со мною,
И целовал в тени аллея?
Платком печали я укрою,
Всю пустоту любви полей.

Была немного я надменна,
А ты настойчив и угрюм.
Ах, жизнь любви обыкновенна,
Ты стал властителем всех дум.

Ты настоял, я согласилась,
Нам было небо алтарём.
Луна насмешливо косилась,
Светясь в тумане янтарём.

Где нет любви, там нет печали, —
Сказал ты вскоре и избил.
А липы головой качали,
Ведь ты любовь во мне убил.

Я шибанула табуреткой,
Что ж, соблазнитель, получи!
Теперь же мы с подружкой Светкой,
Имеем те же калачи.

Мы, кажись, доигрались!

В отстойных прудах реактора в Чернобыле тысячи сомом, выходящих на берег и ловящих там птиц. Жрут всё, что можно размельчить, или проглотить. Масса их неимоверна для такого совсем малого пространства. Зрелище жуткое. Сам по телевизору видел! Огромные раззявленные рты! А ежели лапки отрастут? Или крылышки?

Разбегайтесь нечистики,
Берегись честной народ.
Не осенние мы листики,
Что по ветру в хоровод.

Холовинские ужастики
Перед нами бабой ромовой,
Рвём всем пасти мы на свастики,
Нас зовут братвою сомовой.

У заглохшего реактора
Мы нисколечко не скованы,
Не пройдите мимо фактора,
В стаю мы организованы!

Мы пока на птиц охотимся,
Подрастём, и, плотоядные,
Ноги будут, быстро сплотимся,
Мы ведь, в принципе, всеядные!

Про рицин

Пацаны, касторку пьёте?
Это зря, не в кипеж понт.
От неё в сплошном улёте
Наш российский горизонт.

Что б вы знали, я по делу,
Там имеется рицин.
Мы вот жрём касторку смело,
Без таблеток и вакцин.

Ну, а слабаки Европы,
Заявляют, это яд.
Все они слабы на жопы,
Вот и вертят, как хотят.

Нет, касторка – не подарок,
Соль английская – не мёд,
Но, без всяческих припарок,
Облегчение даёт.

Что б с касторки умирали?
Не, гнилые всё понты.
Хоть очко всё засирали,
В проявленьи простоты.

Я так думаю, братаны,
Гомосекам всё не в прок.
Так поднимем же стаканы,
Где пшеницы налит сок!

Пили всё мы, что горело,
Если будет нам нужда,
Маханём касторку смело,
Это ж, горе, не беда!

Птицы-говоруны

От планеты к планете летая,
Среди звезд ощущая уют,
Говорунов собралася стая,
И нашла в нашем доме приют.

И умом они славны и статью,
Сображала развита о*кей,
Грудь открыта любому объятью,
Обожают халву и хоккей!

Так что, ежели, дело с проблемой,
Там, долги, иль дела бабских струн,
Нам не стоит и думать над схемой,
Мы пошлём, а решит говорун.

Вот впросак попадаешь с разбега,
Да не скажешь, а нет – так хана,
Ты проблему мгновенно с пробега,
Говорун – он на все времена.

Но, вчера они снялись под вечер,
Вместо птичек перо и помёт.
Мир проблем показал, что он вечен,
А проблема любого приймёт.

Чистые и нечистые

Чистые, нечистые,
Шёл раздел по графику.
Ангелы речистые.
Прямо в Рай по графику.

Черти молчаливые,
В фартуках, с лопатами,
Донельзя счастливые,
В Ад, да с перематами!

Пополам разделены
По души призванию,
Молоды и зелены,
Склонны к выживанию.

И делить им нечего,
Каждому – приветное.
По уряду вечному,
Дело беззаветное.

Так и нам – по профилю,
Жизнь – как с ветки падалка.
После – к Мефистофелю,
Или к Павлу, надолго.

Последние дни

Вы себе представьте зрелище,
Звери чешут со блудницами,
Городок там, или селище,
Но, народ вслед за страмницами.

Восстают везде умёршие,
Нам Знаменье посылается,
Времена приходят горшие,
Антихрист всю старается.

Силы света не менжуются,
К схватке мировой готовятся,
В Армагеддоне тусуются,
Не ведутся и не ловятся!

Всё равно приход Спасителя,
Страшный суд и судьбы новые
Всех потребуют как зрителя,
На прикидки, нам хреновые.

Не живые и не мёртвые
Огребём мешалкой праведной.
Перетерпим, мы упёртые,
И, по-новой, с долей завидной!

Бейсик инстинкт

Нам шахны не хватало,
Всем без баб тугогато,
Одного идеала,
Для любви маловато.

Тут чего-то иное,
Мы все разные очень,
Часто стегно свиное
Всё сметает при прочем.

Говорят, зов звериный
Про влечение друг к другу,
Ты, к примеру, с Ириной,
Отпускаешь подпругу.

А на Западе Питер
Марьяжирует с Бобби.
По призванию – пидор,
Это вовсе не хобби.

Или мы надоели
В своих происках Богу,
Коли вдруг захотели
С однополым в дорогу?

Но, у них ведь и дети.
Это как и откуда?
Не пора ли на свете
Прекратить это чудо?

Жениться что ли?

Погадал я на ромашке,
Вот несчастная стезя,
У моей подруги, Машки,
Ночевать никак нельзя.

Заявился, на ночь глядя,
К ней из города отец.
Аккурат под двери дядя,
Стукнет раз, и мне ****ец!

Это ясно без цветочка,
Огребу, по само то.
Я, по-жизни, одиночка,
Для него я – конь в пальто!

В прошлый раз сказал при встрече,
Иль не шлейся, иль женись.
В пол влепил заряд картечи,
Мол, на дочку – не манись!

А потом легонько стукнул,
Вроде как погладил лишь.
Я и разу не мяукнул,
Сразу в ангельскую тишь!

А ромашка мне сегодня
Подказала, Вань, женись!
Вот же в бело-жёлтом сводня.
Не женюсь, хоть провались!

Идейная

Я блудила и блюдо,
В жизни то отрада,
И себя я не судю,
Хоть, порой, бы надо!

Любят некие мадам
Флейты из нефрита,
У меня ж меж ног там-там,
И нужна мне бита!

Мне не надо просевать
Через чувства сито.
Повстречались и в кровать,
Вот и ночь забита.

А наутро всё, браток,
«Сухаря» в дорогу,
Рви, парнишка коготок,
И, веду к порогу.

Надо мне, ему, и нам.
Так решили свыше.
Всем Адамовым сынам
Секс срывает крыши.

Дочкам Евы невтерпёж,
Тоже не из стали.
Колет сексуальный ёж,
Лечит секс печали.

Так пока я не стара,
Всё возьму, что можно.
Видно, мамкина нора
Для любви пригожна!

Обезьян и верблюду

Обезьян сказал верблюду,
Ты уродец, сукой буду!
Два горба, слюну жуёшь,
И колючки в пасть суёшь!

Шерсть твоя висит клоками,
Водишь впалыми боками,
Рабски ходишь под седлом,
То ли дело быть мулом!

Чист, начёсан, в славной сбруе,
Ни словечка молвит всеу,
Всё по-делу, точно в масть,
Ну, не нагладишься всласть!

Сам хозяин каравана
На него взберётся рано,
Гордо мул пойдет вперед,
А за ним и весь народ!

А верблюду сказал, вздыхая,
Я, почти не отдыхая,
Притащил тяжёлый груз,
Еле выжил от обуз.

И теперь на передыхе,
Мы, верблюды, в целом, тихи.
Зря меня ты достаёшь,
Только зло во мне куёшь!

Я не склонен в жизни к дракам,
Но, готов всегда к атакам.
Тут он ухаря-примата
Отоварил враз ребята!

Две коровы

Две коровы, полетав,
Сели, чуточку устав.
Говорит одна корова,
Ну, валить ты мать здорова,

Точно, мощно, с высоты,
На дороги и сады.
Авиацию любя,
Ты жила бы всё бомбя!

Хорошо хоть от природы
Нет слонов такой породы,
Что б на воздушных греблях,
Нам подарочки несли.

В этот миг накрыло их,
И несчастных глас затих.
Между туч, врубившись в тему,
Кит решил свою проблему!

Злодеи

Профессор Мориарти,
Упёртый, черти жарьте,
Злодея идеал.
Был беспощаден к людям,
Удача, как на блюде,
Взошёл на пьедестал!

Гестаповский чинуша,
Без всяческого куша,
А только для идеи
Считал, всё зло – евреи.
Сам рук он не марал,
Лишь письменно карал.

Пехотный лейтенантик,
Был семьянин – романтик.
Вьетнамскую Сонгми
Сравнил с землёй с людьми.
Вернувшись, стал героем,
Жив до сих пор, не скроем.

У некого Пол Пота
Была одна забота,
Народонаселенья
Добиться истребленья.
Что б груды черепов,
А остальных в рабов!

Есть свежие примеры,
Ведь зло не знает меры,
И ненька Украина
Рукою зла – руина.
Любые мысли мимо.
Что, Зло – неистребимо?

Пацаны московские

Было время, махали на всё мы рукой,
Мол, коль выбор, так лучше уж вечный покой.
Твёрдо знали, стреляй до железки и в тлен.
Но никто не увидит нас сдавшихся в плен.

Пацаны – москвичи на отличку в войсках,
Их старшины держали в железных руках.
Слишком длинный язык, да ещё гонорок.
Поприжать и быстрее, а, при случае, срок!

Но когда над страной простиралась беда,
Пареньки из Москвы поспешали туда,
Где железные птицы и пули свистят.
Сколько их не вернулось московских ребят?

Всё такая ж сейчас по Москве пацанва.
И про гонор столичный болтает молва.
Только знаю, коль будет военный приказ,
Пареньки из Москвы вспомнят дедов наказ.

Мол, стреляй до железки, не вывезет – в тлен,
Но, никто не увидит их сдавшихся в плен!

Ми́ла

Ми́ла, Ми́лка, Ми́лочка!
Ты сердец копилочка.
Как глазами поведёшь,
За собой парней ведёшь.

А тебе и хорошо,
Ходишь, чуть не нагишом.
Блузка, шорты, тапочки.
Все и в хлам и в тряпочки!

Эти девичьи дела,
Ну, конечно, не со зла.
Просто от рождения
Нет нам всем спасения!

Вот, найдётся тот один,
Твой, возможно, до седины
Да и время времечко
Пролетит как семечко.

В двадцать пять другой расклад,
Бабий век – не злата клад.
Ты готова – муж заснул,
Перекушал, вот и снул.

Двое деток и мужик,
Разорвись, но не тужи.
Из работы на базар,
Всё бегом, как на пожар.

Только фото на стене
Благовестит старине.
Мини юбка, блузка, смех.
Хоть бы кто склонил на грех!

Тифлис

В старом городе Тифлис
Кахетинское вино.
Выпей и развеселись,
Кувшина увидев дно.

Там Кура и Авлазар
Спят и видят дивный сон.
Будто ожил здесь базар,
И людьми заполнен он.

Чуть подпитые кинто
Предлагают свой товар,
Мелочёвка, но зато,
Всяк имеет свой навар.

А чохели в стороне,
Бурка чёрная, кинжал.
Мочат длинный ус в вине.
Их тут всякий уважал.

Двери растворил духан,
Хаши вкус и шашлыки.
Забредай, пока не пьян,
С похмелюги и тоски.

Или просто посидеть,
Сделку чачею скрепить.
Друг на друга поглядеть,
Перца вкус вином запить.

Но, уходит утром сон,
Серый, словно старый слон.
Над Курой встаёт рассвет,
Авлабар и есть и нет!

Полюбила я вора

Полюбила ёлка
Лёгкий ветерок.
Дуся-комсомолка
Шла на первый скок.

Ветер ураганом
Елку кончил зло.
Девушку наганом
Намертво снесло.

Не любить бы девке
Молодого вора.
Пела бы припевки,
Да про военмора.

Комсомолец Мишка
Был бы свой в постели,
Не было б излишка
При таком-то теле.

Вор сидит на нарах,
Девушка в могиле.
Вот в таких базарах
Сказка в старом стиле!

Обычное

Раз срубил «капусты» дед,
Сразу бабке взял билет,
Поезжай и отдохни,
На Юга одна махни.

Я ж по дому, весь в делах,
Да к тому же при стволах,
Может серый набежит,
Так пусть заранее дрожит.

Бабка к морю, ну а дед,
Мурку вызвонил в обед,
С нею пьянку учинил,
А Бог его угомонил.

Сразу вижу я мораль,
Если можешь, не авраль.
Потихоньку лезь в блудняк,
И твои дела верняк.

Пусть твоё мерило «бак».
Коли стар – не ёрзай.
Дело швах или табак.
Если слишком борзай!

Мой милёнок

Стоит во поле амбар,
А в амбаре мышка.
Мой милёнок – комиссар,
И зовётся Гришка.

Носит кожаный куртяк,
Пистоль с кобурой,
Все у нас дела – ништяк,
Ничего не скрою.

Бабы брешут на селе,
Нет меж нами страсти,
А верчусь я на коле
По прямой напасти.

Мол, грозился расстрелять
Папеньку с мамашей.
Расстрелять, не погулять,
И не миска с кашей.

Было дело, но сперва,
После ж я с охоткой,
Эх, крутится голова
С марафета с водкой.

Я сегодня подопью,
Жизня трынть-травую,
И милёночка убью,
Прямо упокою.

Потому что вся семья
В город, по этапу.
И одна осталась я.
Так снимайте шляпу!

Запевки

Запевай моя гармонь,
Заводи запевки,
В сердце лишь любви огонь,
Берегитесь девки.

Проявляю гонорок,
Средь девиц разборов,
Добру молодцу не впрок
Слушаться укоров.

Папы, мамы, это там,
На деревне где-то.
Я ж такой себя отдам,
Что вернёт мне лето.

Что бы неба высота,
А роса на травах,
Звёзд на небе чистота,
Соловьи в забавах.

Что б она всегда была
Для меня желанна.
Хлебосольной у стола,
Ночью не жеманна.

Вот и гонор весь иссяк,
Выскочив из круга,
Опершись о косяк,
Ждёт меня подруга!

Встреча со смертью

Я гляжу, стоит здоровый,
С дикой мордою, суровый,
И в руках его – коса.
Вот такая вот краса!

Я ему – мужик, отзынь,
Охолонься и остынь.
Надо ль саваном трясти,
Пробирая до кости?

Смерть – она, по-жизни, баба,
Холодна, мерзка, как жаба.
Ты же вон, при бороде,
Может даже есть муде!

Ты – гвардейских просто статей,
В пыл тебя, так слом кроватей.
Как в запале жеребец
Всех оденешь на конец.

И красив ты не по чину,
Знаю я сему причину,
Ангел смерти – вот канон,
Приносящим вечный сон.

Ну, куда какой-то смерти,
Уж на слово мне поверьте,
Средь таких вот молодцов,
Бога истинных бойцов?

Тут мужик расхохотался,
Таять стал, а там смотался.
Я проснулся под столом,
Водки стукнутый колом.

Не могу понять, ребята,
Это водка виновата,
И на пьяную главу
Смерть я видел наяву?

Пронесло, мелькнуло мимо,
Но, уж больно было зримо!

За городом

Мокрый лес, дымок костра,
Спит палатка старая,
Скоро в город нам пора,
А погодка хмарая.

Только двое, в двадцать лет,
Славим одиночество.
И родителей здесь нет,
Так прощай отрочество!

Мы же взрослые давно,
Да с жилья проблемами,
Видно просто суждено,
Жить такими схемами.

Там возьмём друзей ключи,
Коли есть возможности,
Надоели, хоть кричи,
Эти осторожности.

Поженились бы давно,
Невпротык родители.
Вот и ходим мы в кино,
Жизни чуждой зрители.

А ребёнок если вдруг?
Вот мы всех обрадуем.
Ох, тяжёл семейный круг,
Но, несём, не падаем!

Рашпиль

Рашпиль рашпилю сказал,
Что и думать не дерзал,
А вот мчится в облаках,
Всех оставив в дураках!

Над Парижем пролетая
Наша рашпильная стая
Поломала все радары
Потрындев на тары-бары.

А когда на перехват
Поднят был аэростат,
Налетели «Миражи»,
Мол, напильники – дрожи!

Рашпиля в сугубом раже
Перешли в атаку даже,
Сев потом на Нотр-Дам
К восхищенью местных дам.

Отхватив по парижанке,
Чувствуя себя как в танке,
Провели такие сеансы,
Что Париж им пел романсы.

Утром, строим, и домой,
Путь для них лежал прямой.
Тут – Париж, а тут – Миус,
Рашпиль прям, и он не трус!

Страшный сон

Я тебя и знать не знала,
И откуда ты такой?
Утром глядь под одеяло,
Кто-то дремлет под рукой.

Тут заходит муж, Абраша,
Я ему, а кто со мной?
В голове сплошная каша,
И вселенский параной!

А Абраша отвечает,
Чё-то цедит, чуть мыча.
И щеками всё качает,
Все резоны горяча.

А потом вдруг превратился
В полосатого кота.
Он, еврей, перекрестился,
Вот такая лабуда!

Слава Богу! Я очнулась,
Ночь, за окнами темно.
Покряхтела, встрепенулась,
Но, Абраша шмыг в окно!

А этаж наш был десятый,
Хорошо, что всё во сне.
Приняла стакан «Пейсатой»,
Муж восходит по стене.

А который спал со мною,
Вдруг атаку предпринял,
Тута муж мой за стеною,
Этот всю mine помял!

Появляется Абраша,
Роза скорбная в руке,
Морда вдребезги, как каша,
Только рот не на замке.

И такими матюгами
Он меня отполоскал,
Что мгновенно, кверху ногами,
Мой напарник ускакал

И опять я просыпаюсь,
Спит Абрам, храпя во сне,
А в окошко, с криком: Каюсь!
Тот что спал, бежит ко мне!

Гусар на отдыхе

Пардон, мадам! Какие гроши?
Гусары денег не берут.
А вот коньяк у вас хороший.
Вот тут нисколько не совру!

Ах, я побил тапёру харю?
Так что же? Заслужил – носи!
И вышибалу отоварю,
Не унесёшь, так не проси!

Я порубил диван в лохмотья?
А вы уверены, что я?
Да что вы, милая Авдотья,
На стенах не моя струя!

Смотрю, не любят здесь гусаров,
А мы для войн напряжены.
И покупатели товаров,
Что здесь у вас предложены.

И как у вас ума хватило,
Гусару деньги не нужны.
Ну, не смотрите так уныло,
Пока меж нами нет войны.

И вот вам знаки примиренья,
Беру с собою двух девиц,
На пару дней для прокормленья,
Не надо делать постных лиц!

Вы нам с собою заверните
Корзинку с ромом, то, да сё.
В знак одобрения – мигните,
Эй, унтер! Выносите всё!

Парень

Жил-был парень на Лубянке,
В переулках школа,
Он сгорел под Курском в танке,
Стало в мире голо.

Не ходить ему Москвою,
В юной буйной силе,
Со склонённой головою
Воин на могиле.

Я не знаю, был, иль небыль,
Дни Армагеддона.
Только не ушёл он в небыть,
Там, в излучье Дона.

Если трубы громовые
Гавриила грянут,
Сгинут узы гробовые,
И солдаты встанут!

Эта битва – бой последний,
Истинный и страшный.
Их увидит край передний,
В схватке рукопашной.

Что там выйдет,
Бог то видит.
Только лично верю,
Наши русские солдаты не уступят Зверю.

Били здесь, побьют и выше,
Коль угодно Богу.
Армагеддона солдаты собрались в дорогу!

Конец восьмидесятых

Разухабистый мотив
Из магнитофона,
И летит прозерватив
Прямо вниз с балкона.

Всяко жили мы в стране,
Что звалась Союзом,
Кто в меду, а кто в гавне,
Молча двигал пузом.

Ощущение конца,
Крысы, паразиты.
Взлёт мгновенный подлеца,
Грязь и дефициты.

Вроде, в чём-то новизна,
Но, скорей как в песне,
Где счастливая страна
Всё живёт чудесней!

«Новый год. Порядки новые.
И новой проволокой
Лагерь окружён!»

Жуткая смерть

Ох, какие ножки,
Вроде, как из сказки.
Прямо на рогожке
Хряк загнул салазки.

Всё пойдёт в припасы,
Кровь собрали в банки,
Хороши колбасы,
Для осенней пьянки.

Холодец, ветчинка,
Сало толстым слоем.
Для кишок начинка,
Резчик пьёт героем.

Разные мы люди,
Город и селяне.
Сдуру и осудим,
Бойню на поляне.

Но, съедим охотно,
Печень и ошеек,
Подзакусим плотно,
Средь таких идеек:

Берегите люди
Всяку животину.
Бог нам дал на блюде
Сельскую скотину.

Так пускай гуляет
Мирно меж лугами.
Бога прославляет,
Ширится боками.

Мы же тараканов
Мирно будем жрать.
И, под звон стаканов,
С горя помирать!

Украина и Россия

Бьют часы на Спасской башне,
Стрелки всё по кругу.
День сегодняшний, вчерашний,
Мирно, без испугу.

Если что совсем утратишь,
Оценить сумеешь,
Только слёзы горьки катишь,
Да упрёки сеешь!

Украина и Россия,
Родственные души.
Бороздят дожди косые
Им моря и суши.

Мира нет на Украине,
Мины, да снаряды,
Треть страны в одной руине,
Беженцы, засады.

Нам назад бы воротиться,
В общее, родное,
И на двое не делиться,
Быть одной страной!

Только время не попятишь,
Не вернуть, не скрою.
А мечтать, так просто спятишь,
Пусто под золою.

Хампти-Дампти и Шалтай-Болтай!

Он сидел и ножки свесил.
Я не знаю, что он весил.
Хампти-Дампти на стене
Наебнулся вниз во сне!

И Шалтай сидел на стенке,
Может, дрогнули коленки,
Притяжения земли
Силы вниз его снесли!

Тут Шалтай увидел Дампти,
Отряхнул, спросил про Хампти,
Про погоду и Болтая.
Так и шли они болтая!

Время шло, и, ниоткуда,
Это виделось как чудо,
Короля приходит рать,
Что б с собою всех забрать!

Мол, вернём мы вас на стенку,
Вы представьте эту сценку:
«Вся королевская конница
И вся королевская рать
Не могут Шалтая, не могут Болтая
Обратно на стенку поднять!»

А также и Дампти,
Который при Хампти,
Не могут, не могут поднять!

Лимонад

Коли летняя жара,
Публика не рада.
Мы с утра и до утра
Ловим, где прохлада.

Кто пшеницы любит сок,
Выжим винограда,
Мы ж поставим на поток
Реки лимонада!

Только маленький вопрос
В Подмоскowie зрея,
Тех лимонов с гулькин нос,
Лишь в оранжереях.

Тут оно, конечно, да,
Подвела природа.
Не лимонная среда,
Снега на полгода.

Значит, бизнесплан подвёл,
Не учёл детали,
И, ваще, какой осёл
Вылез с трали-вали?

Дело дельное речём,
Охлаждайте водку.
И жара вам нипочём,
И гульба в умотку!

Ну, а если лимонад,
«Спрайт» всегда в подмогу.
Потребляй, здесь нет преград,
И бери в дорогу.

Любка

Какие косы, какие губки!
И брови чёрны у нашей Любки.
Стоит согласно любви природе,
На Ленинградке, да в хороводе.

А дома вишня созрела рано,
Мазанка-хата, а в нею тато.
Там мама родна и вышиванка,
Да ждёт с грошами сосед Иванко.

Иванко, ты Иванко,
Вся ваша жизнь – обманка,
Ну, что же что струнный,
На подбородзи ямка!

С грошами Любка будет,
И про Москву забудет,
Сойдётся с женихом,
Иванкой-мужиком.

А там родится дочка,
А после два сыночка.
И поезд на Москву
Дудит в свою трубу,
Не время ставить точку.

«Ведь жизнь кольцо,
А у кольца начала нет
И нет конца.»
Змея, глотающая хвост,
Как вечный к заработкам мост!

Блоха и волк

Под зелёною сосной
Как-то прошлою весной
На периночке из мха
Улеглась поспать блоха.

Спит себе, беды не чувствует,
Ветер платишком балует.
Ножки стройны, тело бело,
Ну, ваще, в порядке тело!

На беду её волчок
О сосну чесал бочок.
Видит, девица лежит,
Возбуждая аппетит.

Волк – он враг любой морали,
Не таких, мол, девок драли.
Всех могу, овцу, блоху.
Говорю, как на духу.

Я и страшен и красив,
К девкам вовсе не спесив.
Будь ты бабский овцебык,
Наготове волчий клык!

Что потом, покрыто мраком.
Говорят, как Щуку Раком
Волк использовал блоху.
Прямо, через – не могу!

Понесла тогда девчонка.
Ноне, родила волчонка.
Только шесть имеет ног
Волка новенький сынок.

Подрастёт он, встретит папу,
Не пожмёт ему он лапу.
У отца отцедит кровь.
Блохам кровь пускать не вновь!

Хор:
Поддавшись блуду и греху
Волк оприходовал блоху.
Да как он смел, какой кошмар,
И почему не влез комар,

Который ране муху спас?
Кому «Любе» поёт «Атас»?
Отмщенье всё же пригрядёт,
Час грянет, вчуже волк падёт.
Волчин позорных ждёт отмщенье.
Такое наше, хора, мненье!

От автора:

Про «Любе» потому что мужики эти всегда в теме.

Уважуха!

Русские горки

И не раз и не два
Закружится голова.
Горки русские, вперёд!
Полетай, честной народ!

Змея Гора язычок,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.